

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР АЛЕКСАНДРА ВЕРТИНСКОГО В ПОСТЭМИГРАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Последний период творчества поэта характеризуется отсутствием обилия песенных стихотворений, в полной мере являющихся таковыми – количество работ данного периода всего двадцать. Причиной такого малого количества стихотворений является изменение в жизни самого поэта – возвращение на Родину повлекло за собой череду гастролей, тяжёлые условия жизни, разочарование в действительности – при всех своих попытках ему так и не удалось стать полноправным советским артистом, возраст поэта так же играет немаловажную роль. Исследователи творчества поэта рассматривают последний этап его творчества (Горелова О.А., Тарлышева Е.А.), однако хотелось бы особое внимание уделить идейно-тематическому своеобразию художественного мира артиста.

Вернувшись на Родину, поэт в некотором роде меняет тематику своих произведений в постэмигрантский период, пишет о дорогих ему вещах – о семье, родине, всем том, что беспокоит его в этот момент. Так одной из ведущих тем данного этапа творчества была тема семьи, поскольку на Родину он вернулся с женой и детьми и, в довольно преклонном возрасте прочувствовал, что значит быть отцом и семьянином. Наряду с образом артиста возникает образ отца и мужа. Особое внимание поэт уделяет созданию «семейной лирики»: «Доченьки», «У моих дочурок много есть игрушек», «Дочери Марианне», «Ворчливая песенка», «Жене Лиле». На первый план он выносит тему семьи, отцовства, в отличие от политики или задач режима. В этом тоже проявляется отстранённая позиция автора по отношению к социуму. В стихотворении «Доченьки» он пишет: «У меня завелись ангелята, / Завелись среди белого дня» [1, с. 374]. Новое качество восхищает поэта. Повтор «завелись» усиливает ироническое настроение поэта, однако эта ирония вызывает лишь умиление. Семейные ценности выходят на первый план, он абсолютно не сожалеет о своей «веселой» жизни, хотя и говорит о нынешнем положении, как о вынужденном подчинении жене. Шутливая метафора «залезли мне в сердце девчонки» [1, с. 374] и сравнение «как котята в чужую кровать» [1, с. 374] усиливает ироничный окрас, однако с какой нежностью автор говорит об этом. С помощью оксюморона «молодой немолодой отец» он иронизирует по поводу своего становления отцом, для которого семья стала «смыслом и целью» жизни. Восхищение и удивление своим новым ощущением отцовства вызывает бурю эмоций и чувств – вызывает песню: отец поёт колыбельную своим дочерям, проговаривая в ней их будущее на Родине, рисуя своё собственное будущее, желая им счастливого детства, которое видит только в родном краю, ведь он так опасался, что возвращения не произойдёт.

В колыбельной автор выражает и своё умиление дочерями и, в размышлении о собственном будущем, взывает к Богу с просьбой продлить ему жизнь. Возвращение в советскую Россию не привело к отвержению религии в угоду правящей партии, он так и глубоко религиозным человеком. Он смиренно принимает подступающую старость, однако его беспокойство о жизни детей не даёт ему покоя. В одном из своих писем жене артист пишет: «Мне много лет. Как они вырастут? Доживу ли я до этого? Как их обеспечить? Все это мучает меня и терзает дни и ночи. А тут еще расхлябанный нервный аппарат актёра-одиночки... фактически не признаваемого страной, но юридически терпимого» [2, с. 292]. Детство – очень важный период для поэта, он пытается наилучшим образом обустроить его для своих дочерей. Наряду с темой будущего, в стихотворении присутствует и тема смерти, которая в постэмиграционный период особенно актуальна, поэт боится недожить, недосказать, недорастить. Бренность жизни вызывает умиротворение, светлую печаль. Смерть не вызывает страха, она есть лишь закономерность. Ведь его соловьи уже отпели свои песни, а дочерям они ещё споют. Особое внимание следует обратить на образ соловья, характерного для данного периода творчества автора. Соловей является символом жизненного рубежа – для каждого периода жизни свой соловей – поёт и молодым дочкам, славя их молодость, и отцу, отправляя его на покой. Пора соловьев – пора любви, а без любви нет Вертинского. Ещё один образ в стихотворении – образ птицы: «Я, как птица, гнездо своё вью» [1, с. 374], который является характерным для ранних этапов творчества поэта, где с птицей он отождествляет человека-творца. Но в данном стихотворении мы видим более приземлённый, в какой-то мере бытовой план – идиома «вить гнездо» – обустраивать дом и быт – свидетельствует о желании построить свой собственный дом. Он говорит: «Будет дом» – для скитальца это непередаваемое счастье семейного очага.

Радость отцовства показана и в игровой песенке «Дочери Марианне (Биби)». Он желает своей доченьке цветов, поцелуев и ухаживаний. Он смотрит на мир глазами своего ребёнка, активно участвует в ее жизни, поясняет, но делает это настолько естественно, что кажется, весь мир вращается вокруг детей. Игры, игрушки – все это необходимо как детям, так и взрослым. Поэт идёт по жизни за руку с дочерью, воспитывая ее, таким образом, формируя ее личность по своему образцу. В «Ворчливой песенке» поднимается вопрос об извечной проблеме отцов и детей, их непонимании. В нем заложены педагогические истины, которые принимает поэт. Вертинский ненавязчиво и доверительно передаёт свои переживания по поводу непростой проблемы воспитания детей. Его словам характерна исповедальность – он говорит о том, как ему, как «отсталому папе» тяжело в нелёгкой роли отца-наставника. Стараясь воспитывать своих детей в демократическом русле, он обращается к ним в доверительной беседе, соглашается в том, что в согласии залог успеха и отцовская мудрость, но мы видим, как непросто даётся ему это решение.

Ещё одно стихотворение, посвящённое дочерям – «У моих дочурок много есть игрушек», в котором героиня принимает непосредственное участие в повседневных делах своих детей. Мы слышим живую разговорную речь – что сближает в восприятии образ лирического героя и ребёнка, наполняет его ритмом и энергией. Простыми словами поэт доносит дочке прописные жизненные истины; об опасной мышке, об опасности заболеть на примере непослушного Мишки. В стихотворении присутствуют игрушки, а, как уже было указано выше, кукольность – одна из основных черт творчества А.Н. Вертинского, однако она проявляется здесь как способ создания детского мира, где игрушки – полноправные члены созданного поэтом детского общества, несущие собственный назидательный смысл и ведущие собственную игру-жизнь.

Принимая позицию изгоя, оставаясь в стороне от мейнстрима, Вертинский старается выступать за тех, кто нуждается в поддержке. Он вновь поднимает маленького человека и его трагедию на уровень общечеловеческих масштабов. Примером такого отношения к обычным людям может быть стихотворение «Детский городок», которое повествует о ребёнке, искалеченном войной. Детализм по отношению к теме детства, проблемам и душам детей, характерный для всего творчества поэта, является отличительным признаком кинематографичности в творчестве поэта. Говоря о цветовой семантике произведения, мы не можем не обратить внимание на использование лилового цвета – декадентского цвета жизни и смерти – символизирующего скорбь автора, пережитую им, вызванную сопереживанием страждущим детям, и голубого – цвета надежды и святости. Использование их в рамках одной строфы может трактоваться как столкновение мира и войны, добра и зла. Неслучайно автор соединяет мотив детства и христианства в рамках одного стихотворения – наиболее лиричные и тонкие чувства, святые истины стираются под сапогом войны, дети рано становятся взрослыми с искалеченными душами, а доброта и святость Бога ставится под сомнение наивным рассуждением страждущего ребёнка, образ которого немаловажен в системе образов поэта.

Всю свою любовь к Родине и восхищение от возвращения вечного скитальца поэт выразил в стихотворении «Салют». Он есть часть своего народа, своих братьев – он видит лишь салют, за кадром остаются невзгоды, ужасы войны, только восторг от возможности служить своей Родине. Ведь мечта сбылась – он дома, он может работать и дарить русским людям своё искусство на благо Отечества. Русский народ – народ победитель нашел свое отражение в творчестве поэта, все они «родные сероглазые», «драгоценные братья», все те, кто спас весь мир. Восторг от радостного события размывает фон – квартиры разрушены, на окнах затемнения, они остаются на заднем плане кадра. Авторское восхищение их мужеством, усиливается оксюморонами «священный

ужас», в едином порыве страна замирает, восхищаясь подвигом своих сынов, однако и здесь автор иронизирует:

Этот праздник стал нас всех обязывать.
Мы должны трудиться выше сил,
Чтоб потом нам не пришлось доказывать,
Кто и как свою страну любил... [1, с. 374]

В стихотворении «Перед ликом Родины» поэт раскрывает свою гражданскую позицию о роли поэта в обществе и степени его «полезности» для страны. О себе, как о поэте, говорит: «Я бы хотел задумчивой лампадой / Пред ликом Родины торжественно светить» [1, с. 376]. Хотя в сравнении с ней он всего лишь еле мерцающий огонек, преклонение его безгранично, смягчая ее черты, он выполняет свой гражданский долг, долг поэта и гражданина. Неслучайно возникает церковная атрибутика – Родина всегда была окутана ореолом святости, образ ее ассоциируется с иконой, которой «Замученные горем человеки, / Опять в слезах поклонятся тебе» [1, с. 376]. Характерные для творчества Вертинского христианские мотивы соединились с гражданской позицией автора в его гражданской лирике, посвящённой родной стране. В этом стихотворении поэт пишет о миссии поэта, которая состоит в ритуальном труде – быть лампадой Родины, служить (светить) ей. Испеть ее всю – вот задача стареющего поэта («По золотым степям, по голубым дорогам...»).

Еще один знаменательный образ, созданный ещё в более ранние периоды творчества, но наделённый особым лиризмом – образ Города. Созданный его из фрагментов, деталей и символов, в стихотворении «Киев – Родина нежная» он становится живым существом, к которому герой испытывает неподдельную любовь и нежность. Киеву поэт посвятил отдельное произведение, хотя в период эмиграции мы видим собирательный образ города. Киев – Родина автора, навеки оставался в памяти золотыми куполами, спусками, каланчей, тихими улочками: «Здесь тогда торговали мороженым, / А налево была каланча...» [1, с. 384]. Киев для Вертинского – вечный город, и, несмотря на все несчастья, настигшие его там, он остаётся славным городом юности, воспоминания о котором приносят радость, лёгкость и успокоение.

Каштаны – символ Киева, поэт сравнивает с паникадилами – церковной утварью, а церковь для артиста всегда играла роль возвышенного божественного ориентира счастья. Несомненно, к Киеву у него было особое отношение. Во время одного из приездов сюда артист писал: «Киев радуется и успокаивает меня, и я отдыхаю душой. Как бы я хотел жить и умереть здесь. Только здесь! Как жалко, что человек даже не может выбрать себе угол на земле! Что мне Москва? Я не люблю ее! Я всей душой привязан к этим камням,

по кот[орым] я шагал в юности, стирая подмётки, к этим столетним каштанам, которые стоят и стояли тогда и будут стоять после моей смерти, как подсвечники, как паникадила! Вся эта священная земля Родины!» [2, с. 254]. Это был его город. Город его души. Письма о нем наполнены нежностью и нескрываемой радостью. Он – последний принят его юности, светлых дней и воспоминаний, это повторяется в словах: «Я хожу по кладбищу юных дней» [1, с. 384]. Картины молодости навеки запечатлелись в памяти автора, киевские золотые купола пронёс он сквозь скитания и чужие «электрические» города. Киев его друг и соратник. Он цельный живой образ, который визуализируется при прочтении произведения. Композиционно путь героя замкнулся – Киев был точкой отсчёта творческих странствий, он же является конечным пунктом его скитаний. Последние строки – искренни и схожи с исповедью, обращение к Богу в момент наивысшего счастья и в предчувствии скорой кончины: «Пожалей меня, Господи Боже мой... / Догорает моя свеча!..» [1, с. 384]. Па образ города накладывается отпечаток субъективного отношения автора к нему, как к Родине, отсюда нежность, доброта и искренность, которыми пронизано стихотворение.

Особенность творчества поэта – постижение и выражение внутреннего ^v мира путём эмпатии. Поэтому герой поэта пропускает сквозь себя страдание всего народа и выражает эту трагедию и боль в его словах в стихотворении «По золотым степям». Он говорит обо всех «обиженных, усталых, позабытых», им поёт он свою песнь. И снова трагедия одного незаметного, обычного человека получает масштаб всего народа. Герой вновь, как в раннем творчестве, становится утешителем: проникает в людские сердца его тихая песнь, хранящая их мечты, жалобы, чаяния, боль. И хотя годы дают о себе знать: «тускнеет взор и серебрится волос» [1, с. 385], как и в юности, он радостно поёт свою песню.

В своих стихотворениях Вертинский соперживает, ведь лишь пережив драму своего героя, он может изобразить волнующую действительность. Однако эта черта все более поглощала и утомляла автора. Его здоровье было подорвано изнуряющим ритмом жизни, а остановить психологические процессы душевных терзаний он уже не мог. Возникает надрывность в итоговом стихотворении «Я всегда был за тех, кому горше и хуже...»: «Жил я странною жизнью моих персонажей, / Растворяясь в печали и жизни чужой...» [1, с. 382].

Необходимо отметить кинематографичность в изображении картин из собственной жизни. В творчестве автора слова, музыка и артистизм исполнения взаимообогащают друг друга, формируя синтетический вид искусства, выдавая трёхмерные зрительные образы. В последний период творчества влияние кинематографа на композиционную и образную структуру произведения усиливается. В СССР Вертинский занимался кино, это находит отражения в его

письмах. Ему было тесно в рамках ограниченного репертуара своих концертов. Свои роли он сам дорабатывал, а часто и переписывал. Будучи знакомым с Великим Немым и Голливудом, артист тщательно подбирает свои роли, взвешивает и принимает решение о том, играть или нет. Естественно, что под влиянием активной кинодеятельности, кинематографичное проявляется и в литературном творчестве автора. Так для стихотворения «Я всегда был за тех, кому горше и хуже» свойственен монтажный принцип построения. Возникают крупные планы ролей героя: «Трубочист, перепачканный чёрною сажей, / Землекоп, из горы добывающий мел» [1, с. 382]. И далее следуют общим планом смены ролей, грима, жизнь героя проплывает перед глазами читателя, создавая иллюзию видения пронёсшейся человеческой жизни. В игре слов «Я свою – проиграл» [1, с. 382] автор заключает парадокс жизни артиста – играя бесчисленные роли, меняя лики, он теряет собственную судьбу. Однако, автор не испытывает горечи и сожаления, ведь «Серафимы в смертный час прилетят за моею душой» [1, с. 382] – душа артиста чиста и поднимется к Богу, он сумел сохранить ее в смутном и таинственном мире масок.

Обращаясь к миру артистов, продолжая традиции предыдущих этапов творчества, поэт возвращается к теме актёра. Примером может служить стихотворение «Маленькие актрисы», где актрисы отдают на алтарь искусства саму жизнь и женское счастье. Поэт, знавший актёрскую судьбу не понаслышке, видит трагедию непризнанного гения, нереализованного в искусстве. Актёр рождается и умирает на сцене, живёт в иллюзорном мире, забыв о реальности. Воскресая, он не находит счастья, лишь еще один путь в никуда, догорая «на холоде бенгальского огня», ведь они не способны просто жить и наслаждаться жизнью. Конфликт между мечтой и реальностью особо остро виден в строке: «и только в горничных играют королев». Здесь мы видим личную трагедию самого поэта – он поменял театр на эстраду. Но, как мы видим, выбор его был судьбоносным.

Трагедия актрисы представлена в стихотворении «Мыши», где героиня отказалась от всего, даже от простого женского счастья, не получив взамен ничего, кроме нереализованных амбиций и пустоты души. Герой разглядел наконец-то «бездарь» в своём идоле, для которого любовь – лишь репетиция сцены, «оттачивание мастерства». Поэт говорит – без души не может быть таланта! Попытка играть без глубокого сопереживания и чувств есть не что иное, как подделка. Обличительные нотки утрачивают свою силу в финальном четверостишии:

Скоро полночь. Звуки в доме тише,

Но знакомый шорох узнаю.

Это где-то доедают мыши

Ваши письма – молодость мою [1, с. 379].

Горечь о прошедшей любви и молодости слышится в «знакомом шорохе». Неслучайно в самом названии заложен глубокий идиоматический смысл «мышинной возни» – пустой траты времени и сил на построение воздушных замков и пустых иллюзий. Горькие слова поэта обращены к актрисе, не способной к реальной жизни и даже к счастью материнства: «И грустнее / Что же может быть для женщины сейчас» [1, с. 379], но оставив упрёки, он лишь сожалеет об ушедшей молодости.

Любовь в творчестве данного периода так же окутана лёгкой грустью. Ведь любовные баталии окончены, на смену бесконечной погоне за счастьем приходит упоение тихой семейной жизнью. Рассуждение о любви находят своё отражение в стихотворении «Любовью болеют все на свете», где автор использует идиоматическое определение любви как болезни, которая касается каждого, но которую каждый переносит по-своему. Любовь даёт надежду, но она обманчива – на попытку найти ее может уйти вся жизнь. Но в конце жизненного пути сил на пылкую любовь уже не хватает, но поэт не сожалеет об этом – он лишь вспоминает о былом пламени. Схожая атмосфера смирения перед необратимым присутствует в стихотворении «Как жаль, что с годами уходит». Герой устал от скитаний, от роли бродячего актёра, уже не приносит радость любовные приключения, но вместе с молодостью ушёл задор, остались лишь воспоминания – «Мне прошлое машет крылом» [1, с. 386].

Единственное стихотворение, посвящённое любви, но без намёка на горечь сожаления – «Жене Лиле» – посвящённое супруге, где чувства поэта имеет абсолютно иные, новые ноты. Уже в первой строфе мы видим образ лебедей: «Девять лет. Девять птиц-лебедей, / Навсегда улетевших куда-то...» [1, с. 381]. Лебеди – символ верности и семейного счастья, годы вместе – лучшие годы в жизни поэта. Но радость омрачена уходящим временем – девять лебедей превращаются в девять исчезающих кораблей – понимание скоротечности жизни, грусть от того, что годы уходят, солнце жизни клонится к закату. Перед женой – голубая дорога будущего, ему же остаётся седина и упоение оставшимися годами. Он готов вновь пойти с ней под венец – венчание – сакральное таинство, к которому религиозный Вертинский испытывал особенно трепетные чувства. И если он готов сделать это еще раз – значит брак его счастливый, а любовь освящена небесами, ведь их души как птицы взмывают «в купола». Он понимает, что «клонит уже ко сну» – ассоциация сна со смертью характерна как для поэта, так и для русской культуры. Но он все же надеется, строит планы и цели, ведь «не время ещё умирать» [1, с. 382].

Целью своего творчества поэт видел в преодолении границ между своей и чужой душой. Отчуждение, которое испытывает автор по отношению к

происходящему, он пытается преодолеть на духовном уровне. Философские размышления занимают особое место в данный период творчества. Примерами могут послужить стихотворения «Птицы певчие», «Я всегда был за тех, кому горше и хуже...», «Хорошо в этой «собственной» даче...», «По золотым степям, по голубым дорогам...», «Как жаль, что с годами уходит...». Мы видим, что автор, переосмыслив свой жизненный и творческий опыт, делает попытку определить собственное место в искусстве. Несмотря на иронию – неотъемлемый компонент его творчества, вихрь чувств в его строчках свидетельствует о драматизме переживаемых им исканий. Главный вопрос автора – о роли Поэта поднимается в стихотворении «Мы – птицы певчие», где возникает образ певчей птицы – символ песенного творчества Вертинского, поющего артиста. И хотя его песня пусть не безупречна, их задача – петь!

Он только вернулся из эмиграции, он вынужден петь о том, что важно его стране, даже если сам он вне этого режима. Сколько восторга мы читаем в воспоминаниях: «Я удостоился высокой, до слез, чести – меня единственного из всей эмиграции Родина позвала к себе... я хожу наполненный до краев высокой и гордой радостью» [1, с. 406]. Хотя реалии не оказались столь восхитительными, артист старается быть полезным своему народу, его песня будет звучать несмотря ни на что – в строках стихотворения мы слышим оптимистические нотки. Совсем по-иному звучит «Отчизна». Поэт здесь – сеятель слова в души людей. Но мы слышим здесь нотки разочарования, ведь может он бросает «в снег ненужное зерно» [1, с. 380]. Птицы-песни – свободные, вольнолюбивые – умирают от холода, недолетая до человеческих сердец. Поэт – сеятель, но снег – не лучшая почва для зерна – несёт лишь гибель забвения брошенному слову. Труд его бессмысленный. Не востребованность на Родине губительна для артиста. Он не такого приёма ждал, надеясь на благосклонность властей. Песни его гибнут, не долетая до человеческих душ. С каким драматизмом звучат слова «Ну что ж... Прими мой бедный дар, Отчизна!» [1, с. 380] – он жертвует собой, как Сизиф, он готов поднимать свой камень в надежде достичь вершины – растопить сердца. Подводя итог своей жизни скитальца, автор говорит о том, что долг свой выполнил, но до самого конца он должен нести свой крест поэта. В одном из последних стихотворения герой ищет выход из леса пошлости, поэт говорит о той изнурительной для него атмосфере, в которой он с трудом выживает.

Но даже на пределе своих возможностей он остаётся поющим поэтом. Несмотря на собственную скромность, он занимает свое место в условиях действительности на фоне великого драматурга:

И в хаосе этого страшного мира,

Под бешеный вихрь огня

Проносится огромный, истрепанный том Шекспира

И только маленький томик – меня... [1, с. 386]

Своим трудом ой завоевал право на собственный маленький томик... на память... и на любовь читателя. Сам он писал: «...через 30 – 40 лет меня и мое творчество вытащат из подвалов забвения и начнут во мне копать...»[2, с. 367]. Время это настало.

Завершающий этап творчества А.Н. Вертинского включает в себя двадцать стихотворений. Для него характерно совмещение субъективного и глубоко личного и общественного, но официально не востребованного: поэтому наряду с восторгом победы мы видим контрастное стихотворение «Детский городок», основной мотив которого – мотив сострадания и сопереживания страждущим – что характерно для всего творчества автора. Говоря о тематическом своеобразии, в данный период творчества необходимо выделить такие центральные темы как тема Родины и возвращения скитальца; отцовства, характерная для «семейной лирики» поэта; детства и ребёнка; поэта и творчества в целом.

В системе образов типичные для более ранних периодов образы претерпевают изменения. Лирический герой проявляется ещё в одном облике – отца и семьянина, его «семейная» лирика привносит новые идеи и образы, в том числе и воспитательного характера. Рассматривая образ актёра, его судьбы, поэт говорит о пустоте души, и как следствии бездарности, тогда как духовное начало даёт толчок к развитию актёрского таланта. Образу Актрисы противопоставляется образ Женщины-Жены. Образы выходят на новый уровень – они становятся завершёнными. Так возникает образ Киева – живой, одушевлённый.

В последнем этапе творчества поэт подводит итоги жизненного и творческого пути, и уже не столько ирония, сколько лёгкая грусть присутствует в его стихотворениях – он смиряется перед неизбежным завершением пути, однако готов нести свой крест творца и артиста до конца. Разочаровавшись в своей жизни на Родине, он находит утешение в семье, которая становится главной наградой за все годы скитаний.

Литература

1. Вертинский А.Н. Дорогой длиною... Мемуары, стихи и песни, рассказы и зарисовки, письма, фотографии / Александр Вертинский / Сост. и вступ. ст. Ю. Томашевского. – М.: Астрель, АСТ, 2009. – 607 с.
2. Вертинская Л.В. Синяя птица любви / Лидия Владимировна Вертинская. – М.: ЗАО «Вагриус», 2004. – 452 с.

Аннотация

Плотникова А.А. Художественный мир Александра Вертинского в постэмиграционный период. В данной статье автор рассматривает последний период творчества А.Н. Вертинского. Проводится анализ тематического и художественного своеобразия 20 стихотворений, вошедших в постэмиграционный этап. Особое внимание уделяется теме семьи, Родины, детства, роли поэта и артиста. Рассматриваются философские рассуждения поэта, а так же приемы кинематографичное™ и эмпатии в его произведениях. Автор делает вывод о характерном для А.Н. Вертинского совмещении в творчестве субъективного и глубоко личного и общественного, но официально не востребованного, об основных мотивах и темах данного периода.

Ключевые слова: А.Н. Вертинский, тематика, эмпатия, кинематографичность, мотив.

Анотація

Плотнікова А.А. Художній світ Олександра Вертинського в постеміграційний період. У даній статті автор розглядає останній період творчості О.М. Вертинського. Проводиться аналіз тематичної та художньої своєрідності 20 віршів, що увійшли в постеміграційний етап. Особлива увага приділяється темі сім'ї, Батьківщини, дитинства, ролі поета та артиста. Розглядаються філософські міркування поета, а також прийоми кінематографічності та емпатії в його творах. Автор робить висновок про характерне для О.М. Вертинського суміщення у творчості суб'єктивного і глибоко особистого і громадського, але офіційно не затребуваного, про основні мотиви і теми даного періоду.

Ключові слова: О.М. Вертинський, тематика, емпатія, кінематографічність, мотив.

Summary

Plotnikova A. A. Art World of Alexander Vertinsky in postemigration period

In this article, the author examines the last period of A. N. Vertinsky's creativity. The analysis of the thematic and artistic originality of the 20 poems included in the stage of postemigration is given. A focus on the family, homeland, childhood, the role of the poet and artist is investigated. Philosophical discussion of the poet is considered, as well as empathy and cinematic techniques in his works. The author concludes typical for A. N. Vertinsky combined in the work of the subjective and deeply personal and public, but not officially claimed, the main motives and themes of the period.

Keywords: A.N. Vertinsky, topics, empathy, cinematography, motive

Статья прорецензирована доцентом кафедры всемирной литературы ЛНУ им. Т. Шевченко, кандидатом филологических наук Бахмачем В. И.